

поворот СССР — заключение пакта Молотова—Риббентропа. Его подписание нанесло сокрушительный удар по ключевым символам антифашизма, ознаменовало финал эпохи паломничества и обусловило разрыв преемственности в развитии советской культурной дипломатии.

И всё же присутствующие у автора в заключении книги излишне обобщённые характеристики послевоенного времени как истории провала или, в лучшем случае, отдельных успехов в странах «третьего мира» настоятельно требуют уточнения. Прямолинейная дихотомия «история успеха — история провала» скрывает от нас реальную картину персональных и институциональных судеб, насыщенного конфликтами и противоречиями международного взаимодействия послевоенного периода, влияния медийной революции второй половины XX в. на эволюцию неформальных культурных сетей⁴.

Размышления по поводу созвучия советского эксперимента универсальной модерности или множественным её вариантам М. Дэвид-Фокс развивает в своей новой книге «Пересекая границы»⁵. Он настаивает на необходимости дальнейшего изучения «кросс-культурных и трансидеологических взаимодействий» участников советского эксперимента и его внешних наблюдателей (на примере Р. Роллана, его жены М. Кудашевой, «прусского большевика» Э. Никиша, раннесоветских академических институтов). Можно согласиться с автором, что многофакторный анализ взаимных оценок и заблуждений окажет плодотворное влияние на изучение феномена сталинизма и глобальной истории XX века.

Тимур Мухаматулин: Две стороны советской витрины

Timur Mukhamatulin (Rutgers University, New Brunswick, USA, and Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): Two sides of the Soviet showcases

В 2013 г. в России много говорили о выдающемся французском киноактёре Жераре Депардье. Специальным указом президента В.В. Путина он получил российское гражданство⁶, ему подарили квартиры в Грозном и Саранске, пресса широко освещала его поездки по стране, а в своих публичных высказываниях Депардье много говорил о своей любви к России и её культуре⁷. Эта история ещё раз демонстрирует, насколько актуальна тема книги американского историка М. Дэвида-Фокса, посвящённой культурной дипломатии коммунистического режима в 1921–1941 гг. Попытки повлиять на западное общественное мнение с помощью приглашаемых в страну интеллектуалов и знаменитостей, конечно, не прекращались в СССР никогда, но именно межвоенный период стал тем временем, когда этот инструмент использовался наиболее активно.

Дэвис-Фокс рассматривает работу Советского Союза по созданию положительного образа сквозь призму категорий полноценности/неполноценности, полагая, что «подобные образы всегда очевидны и играют существенную роль в репрезентациях себя и другого» (с. 57). Автор также констатирует «в высшей степени

⁴ См.: Нагорная О.С. «...Когда СССР стал сильным и могучим... многие народы нуждаются в нашей дружбе»: аспекты изучения культурной дипломатии в социалистическом лагере (1949–1989) // Диалог со временем. 2015. № 53. С. 269–278.

⁵ David-Fox M. Crossing borders. Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union. Pittsburgh, 2015.

⁶ URL: <https://ria.ru/culture/20130106/917210546.html>. Дата обращения здесь и далее: 23.01.2017.

⁷ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vDK4SV0xqoI>

иерархическое воззрение на мир», порождённое в СССР марксизмом-ленинизмом. Он показывает, как менялось отношение к работе с иностранцами в Советском Союзе, как ощущение превосходства «культурного Запада» (с. 81), казавшееся незбылемым в начале и середине 1920-х гг., к концу 1930-х исчезло, сменившись идеей советского превосходства. Формированию этого «комплекса» посвящена отдельная глава книги, в которой автор прекрасно показывает масштаб кампании по внедрению нового представления о месте СССР в мире. В итоге в Советском Союзе «превосходство... над всем остальным миром и изоляция... стали теперь, по сути, синонимами» (с. 515).

Вероятно, этот тезис следовало бы развить: внедрявшаяся «сверху» новая самооценка находилась в тесной связи с идеей возможности строительства «социализма в одной стране». Результаты, к которым пришёл Дэвид-Фокс, могут быть вписаны в концепцию «национал-большевизма», которую изложил в одноимённой работе Д. Бранденбергер⁸.

Следует отметить, что сам Дэвид-Фокс лишён чувства имманентного превосходства зарубежной (в данном случае, американской) исторической науки над российской: его книга не только опирается на работы западных русистов (часто цитируется, к примеру, исследование К. Кларк), но и содержит обильные ссылки на целый ряд видных российских исследователей проблематики «культурной дипломатии» (А.В. Голубева, Г.Б. Куликову, В.А. Невежина и др.).

Историк представляет читателям целую галерею иностранных гостей, заинтересовавшихся советским проектом. Среди них выделяются две большие группы: правые технократы (например, представители немецкого общества «Арплан») и левые интеллектуалы. В числе последних, разумеется, самые яркие персоны — Т. Драйзер, А. Жид, Р. Роллан, Л. Фейхтвангер и ряд других. Отмечая разницу между их высказываниями в самом Союзе и вне его, автор показывает сложности восприятия ими советского проекта: кого-то смущала бытовая отсталость СССР (Фейхтвангер), кто-то находился в плену стереотипных представлений об «азиатскости» России (Драйзер), кого-то беспокоили сложности с признанием прав гомосексуалов (Жид).

Похожая двойственность отмечена и у правых — идеологическая ненависть к коммунизму «одновременно с явной или тайной увлечённостью большевистской революцией» (с. 416). Сюжет, связанный с приездами интеллектуалов националистических взглядов из Германии, привлекает особое внимание: во-первых, малоизвестна фактическая информация, приводимая Дэвидом-Фоксом. Во-вторых, автор анализирует её, не пытаясь найти сходства «двух тоталитарных режимов», а рассматривая в контексте сложной международной ситуации начала 1930-х гг., когда все стороны стремились тайно или явно отыскать союзников среди потенциальных врагов.

Автор оговаривается: он сконцентрировался на интеллектуалах из Центральной и Западной Европы. В частности, из-за этого из повествования практически выпали визиты в СССР представителей испанской творческой интеллигенции. Как известно, в 1930-е гг. она пережила серию социальных потрясений, закончившихся трёхлетней гражданской войной, в которую прямо или косвенно были вовлечены Германия, Италия и СССР. В Советский Союз приезжали многие испанские поэты и писатели, например, Рафаэль Альберти и его жена Мария-Тереса Леон. Их пример поучителен: в отличие от некоторых более известных западных интеллектуалов, они строго следовали ожидавшемуся от них сценарию

⁸ Бранденбергер Д. Национал-большевизм: сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания. 1931–1956 годы. СПб., 2009.

поведения — публично хвалили советское руководство, оправдывали политические судебные процессы и репрессии. Объяснений тому несколько: во-первых, они не имели статуса вселенских знаменитостей (которым, безусловно, обладали такие визитёры в СССР, как Р. Роллан и Дж.Б. Шоу), во-вторых, их материальные возможности не позволяли им вести себя независимо, в-третьих, испанцы не ощущали никакого культурного превосходства, а напротив, смотрели на советский опыт «снизу вверх»⁹. Последнее подтверждает продуктивность выбранного Дэвидом-Фоксом угла зрения: значение представлений о неполноценности и превосходстве как для гостей Советского Союза, так и для принимавших их хозяев было очень значительным.

Возвращаясь к материальному: удивительно, что самим «технологиям гостеприимства» автор уделяет минимальное внимание, используя при этом лексику из книги Пола Холландера «Политические пилигримы»¹⁰. Когда Дэвид-Фокс характеризует путешествия западных гостей как «одно из самых печально известных событий политической и интеллектуальной истории XX века» (с. 19), кажется, что он берёт у Холландера не только некоторые идеи (например, что «предрасположенность левых интеллектуалов к утопиям» повлияла на приезжавших больше, чем «машинерия советского гостеприимства», с. 192), но и обличительный настрой. Тем не менее это ощущение быстро удаётся преодолеть: академический тон и стиль не изменяют автору до конца книги.

В заключение Дэвид-Фокс ещё раз отмечает, что «вечная проблема отсталости остаётся... сердцевиной российского отношения любви-ненависти к западному миру» (с. 534). Можно продолжить его мысль: помимо извечных сравнений и выборов пути развития, остаются теми же и методы постсоветской культурной дипломатии. От современных пилигримов ждут того же — восхищения и одобрения порядков, установившихся в стране¹¹. Интересным образом совпадают и типаж, заинтересованные в постсоветской (или, если быть точным хронологически, посткрымской) России как проекте: националистически настроенные правые и протестующие против истеблишмента левые¹². Можно лишь согласиться с автором: комплекс этих проблем останется актуальным, пока будет обсуждаться проблема «Россия и Запад».

Александр Голубев: Между пропагандой и реальностью

Alexander Golubev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): Between propaganda and reality

Книгу М. Дэвида-Фокса, безусловно, можно считать заметным явлением в современной историографии. Она основана на большом массиве как российской,

⁹ Представители испанских интеллектуальных кругов (в первую очередь, либералы и левые) видели в СССР успешный пример того, как разрешаются многочисленные экономические, социальные, национальные и прочие противоречия в стране, отставшей в развитии от лидеров западного мира. Для них СССР был, по выражению Х. Грэм, «иконой модерности». Впрочем, националисты в Испании называли культурную политику СССР «культурным большевизмом» и отторгали её. Подробнее см.: *Graham H. Spanish Civil War. A Very Short Introduction*. Oxford, 2005.

¹⁰ Холландер П. Политические пилигримы. СПб., 2001.

¹¹ Усилились эти стремления после присоединения к России Крыма весной 2014 г., не признанного мировым сообществом. Поиск российской властью «диссидентов» среди представителей элит западных стран с тех пор стал постоянным (и, стоит добавить, довольно успешным).

¹² Так, в 2015 г. в Санкт-Петербурге прошёл международный русский консервативный форум, в котором приняли участие представители Греции («Золотая Заря»), Германии (Национально-Демократическая партия), Италии («Новая Сила») и др. В 2016 г. представитель партии «Левые» (Германия) Андреас Маурер совершил поездку в Крым, несмотря на официальную позицию ФРГ, не признающей присоединение Крыма к России.